

Чэн Сяоцзя валялся дома, лениво пересматривая старые диски, когда услышал шум со стороны гаража. Он тут же подскочил и босиком метнулся к дверям. Радостное «Ты вернулся!» застряло в горле.

Ли Хуэй никак не ожидал застать парня дома. Сам он в университетах не учился и полагал, что студенты, как и школьники, днем должны пропадать на занятиях. Увидев полуголого Сяоцзя, он на мгновение замялся. Виделись они редко: Лу Юньпин старался не таскать мальчишку за собой по значным местам. Ли Хуэй понимал — Лу-цзун оберегает парня, не желая, чтобы тот терся среди их «грязной» компании. Но была и другая причина, которую оба понимали без слов: Сяоцзя терпеть не мог Ли Хуэя. Трудно было сказать, чего в этом чувстве больше — страха или брезгливости.

Прошло несколько секунд, прежде чем Сяоцзя взял себя в руки.

— Привет, Ли-гэ, — вежливо выдавил он.

Ли Хуэй закурил и кивнул в ответ:

— Не в школе?

— Ага, сегодня нет пар.

Сяоцзя вышел в одном нижнем белье и теперь неловко одергивал пояс штанов.

— Ли-гэ, заходи, посидишь?

Ли Хуэй отмахнулся:

— Не, Пин-цзы в обед идет на банкет, я просто машину перегнал.

В душе Сяоцзя всё обожгло едкой горечью. «Просто перегнал» — яснее не скажешь: Лу Юньпин провел ночь у него. В компании Лу-цзуна хватало водителей, зачем Ли Хуэю лично гнать машину обратно? Ясно же — пришел пометить территорию.

Сяоцзя был молод и самолюбив. Только перед Лу Юньпином он мог вилять хвостом и разыгрывать милого котенка, на остальных же смотрел свысока. Слова Ли Хуэя за пару секунд вызвали в его голове целый рой колючих мыслей. Настроение испортилось, улыбка с лица сошла.

Ли Хуэй, заметив, что парень помрачнел, списал это на детскую обиду из-за отказа.

— Хм... горячая вода есть?

Сяоцзя зацепился за вопрос:

— Я как раз сварил кофе. Ли-гэ, если не спешишь, выпей чашку.

— Кофе не надо, лучше просто воды.

Когда в Синьгане только начали продавать коттеджи, за ними выстраивались очереди. Лу Юньпин и Ли Хуэй тогда купили по два дома. Ли Хуэй свои раздал «на нужды дела», а Лу Юньпин в одном жил сам, а второй отделал с особой роскошью. Он никогда не говорил, для чего бережет пустой дом, но все понимали — для Ли Хуэя. Ключи тоже были у него, но Ли Хуэй там ни разу не ночевал. Зато его дружки пару раз устраивали в пустых стенах пьяные оргии с наркотиками, после чего Лу Юньпин впал в ярость. Ли Хуэй забрал ключи, и с тех пор там была тишина.

Зато в этом доме, где жил сам Лу, ремонт был довольно средний. Половину вещей сюда притащил Сяоцзя — разумеется, на деньги хозяина.

Когда Сяоцзя вынес кофе из кухни, Ли Хуэй вдруг заметил на нем старые спортивные штаны. Темно-зеленые, с двумя белыми лампасами по бокам. Они выглядели до боли знакомыми, но что-то в них было не так. Сяоцзя с видом полноправного хозяина уселся в кресло, поджав ноги.

— Ли-гэ, хочешь тортика?

Ли Хуэй затушил сигарету и указал на штаны:

— Твои?

Сяоцзя только этого и ждал.

— Хи-хи, заметил, что велики? Это старые штаны Лу-цзуна. Он из них вырос, а выбросить рука не поднималась. Вот я их немного и перешил под себя.

Он вытянул ногу, демонстрируя штанину.

— Они раньше были с манжетами внизу, ну вылитые кальсоны, уродство же. Я их обрезал...

Ли Хуэй сухо перебил:

— Встань-ка, я гляну.

Сяоцзя послушно поднялся, чувствуя сладкое превосходство. Без футболки, худой и бледный, он стоял перед гостем, а пояс штанов свободно висел на его косточках. Ли Хуэй подошел и расправил ткань на поясе. На темно-зеленом фоне едва белели пятна — старая краска почти выцвела, но для Ли Хуэя там четко читались четыре иероглифа: «Средняя школа Хуанхэ».

— Повернись, — негромко бросил он.

Сяоцзя вздрогнул от неожиданности, но Ли Хуэй добавил всё тем же ровным тоном:

— Не дергайся.

В его голосе прозвучало нечто такое, что не допускало возражений. Сяоцзя замер. Он почувствовал, как пальцы Ли Хуэя скользнули по его коже за пояс штанов. Там, изнутри, была пришита крохотная латка. Ли Хуэю не нужно было её выворачивать, чтобы знать: на ней шариковой ручкой выведено «Лу Юньпин, 10-й "В"».

Эту латку он пришил сам. И надпись сделал тоже он.

— Тебе идет. Сидят... хм, хорошо, — сказал Ли Хуэй.

Сяоцзя обернулся и непонимающе коснулся пояса. Ли Хуэй поднял чашку, но так и не смог сделать глоток. Раньше, когда они только начинали, старшие братья пили кофе, и ему приходилось давиться им за компанию. Теперь же в Сицзине почти не осталось людей, перед которыми Ли Хуэю нужно было лебезить. Кофе он больше не касался — только чай или алкоголь.

Сяоцзя присел рядом, пытаясь завязать разговор:

— Ли-гэ, а когда вы познакомились, он ведь был худым, да?

— Детьми были, — ответил Ли Хуэй. — Еще меньше, чем ты сейчас. Откуда там жиру взяться.

— Ну да, я по штанам понял. Но штанины длинные, он был высоким.

Ли Хуэй покачал головой:

— Нет. Тогда школьную форму шили по одному стандарту — на возраст.

— Это школьная форма?

Да, форма старших классов Средней школы Хуанхэ. У Ли Хуэя когда-то была точно такая же.

Он ведь не собирался учиться дальше, хотел пораньше выйти в жизнь. Не ради денег — просто мечтал, чтобы мать меньше пахала в ночные смены. Но Ли Пин, его упрямая мать, встала на дыбы. Стоило им встретиться, как начиналась ссора. У матери вечно болела голова, она пачками глотала таблетки, и Ли Хуэй, не в силах на это смотреть, сдался. Он не рассчитывал вернуться в Хуанхэ — думал пойти в любую шарагу по району. Но в тот год Машиностроительному заводу Хуанхэ поперло, профсоюз решил поиграть в благодетелей и объявил, что детей сотрудников (даже сирот, как Ли Хуэй) возьмут в десятый класс сверх плана. Его зачислили в седьмую группу, Лу Юньпина — в пятую.

Больше всех радовалась мать, а вторым по списку шел Лу Юньпин. Сам Ли Хуэй особого восторга не испытывал.

— Подумаешь, на три года позже лавку откроем, — бодро вещал Лу Юньпин, руля велосипедом одной рукой. Вторым он лихо затянулся сигаретой. — Зато вместе! Окончим школу и сразу бабахнем дело прямо у входа в Чанлэфан. Вся школа будет у нас закупаться!

Ли Хуэй усмехнулся:

— Хрен ты угадал. На сигаретах и выпивке наценка копеечная. На студентах выехать решил? Мечтай больше!

Лу Юньпин почесал затылок и хохотнул:

— Да ладно тебе, я ж не шарю. Впереди три года, успеем. Пойдем вечером отметим!

— Чего отмечать-то?

— Как чего? То, что мы, кореша, снова в одной связке!

Ли Хуэй покосился на него:

— Жрать, небось, хочешь?

— У ворот завода открыли кафе с горшочками. Ши-тоу говорит — отпад. И шашлыки там вечером жарят.

— В горшочках? Это там, где раньше видеосалон был?

Лу Юньпин заговорщицки закивал:

— Ага. Говорят, там по ночам порнуху крутили. Жаль, я не успел сходить, прежде чем они

накрылись. Обидно, а...

Он пихнул Ли Хуэя в бок:

— Ты-то небось ходил?

— Нет.

— Да ладно заливать, не верю!

— С чего бы мне туда ходить?

— Ну ты ж у нас типа авторитет районный, — заржал Лу Юньпин.

— И что, авторитетам положено порнуху смотреть? Логика у тебя — блеск.

— А какой ты хулиган, если порнуху не видел?

Ли Хуэй замер на секунду, а потом резко пнул заднее колесо велика Лу Юньпина:

— Сам ты хулиган, придурок!

Удар вышел на славу: велик вместе с Лу Юньпином улетел напрямик в придорожную канаву. Увидев здоровенную ссадину на лбу друга, Ли Хуэй понял, что переборщил. Вместо шашлыков вечер прошел в медпункте под аккомпанемент иглы и нитки. Лу Юньпин после этого еще несколько дней смотрел на него с неммым укором.

Через пару дней выдали форму. Два комплекта: спортивный костюм для физкультуры и «парадка» на манер японских школ — белая рубашка, пиджак и брюки (у девчонок — юбки). Парадкушили по меркам, а спортивные выдали какие были.

Мать Ли Хуэя снова ушла в ночную смену, и Лу Юньпин по привычке притащился к нему ужинать и ночевать. Готовить Ли Хуэй не умел: либо рис с яйцом, либо пара пачек лапши быстрого приготовления. Лу Юньпин не привередничал. Поев, он уселся листать учебники, а Ли Хуэй достал форму. Он отрезал лоскут белой ткани, написал на нем имя и класс, готовясь вшить метку в пояс.

Лу Юньпин вытаращился на него:

— Ты еще и шить умеешь?

Ли Хуэй, не поднимая головы от иголки, буркнул:

— Настоящий хулиган умеет всё.

— Тяжела жизнь многофункционального бандита, — съязвил Лу, листая книгу.

Ли Хуэй лишь хмыкнул.

Лу Юньпин дотронулся до повязки на лбу и поморщился от боли. Ли Хуэй наконец поднял взгляд:

— Хватит уже ныть, подумаешь, три шва наложили.

Лу Юньпин протянул ему свои штаны:

— Раз так, вшей и мне метку.

Позже, когда Лу Юньпин носил эту форму, он всегда чувствовал тепло в пояснице. Стоило коснуться рукой — и пальцы нащупывали тот самый лоскуток. Костюм-парадка давно затерялся при переездах, но этот спортивный костюм Лу Юньпин берег как зеницу ока. Мать сколько раз пыталась его выкинуть или отдать на благотворительность — он не давал.

Конечно, Сяоцзя об этом не знал. Лу Юньпин вообще редко вспоминал прошлое. Те путанные воспоминания о Ли Хуэе были его личной коллекцией, которую он не выставлял напоказ даже самому себе.

Проводив Ли Хуэя, Сяоцзя так и сиял. Ему казалось, что сегодня он вышел победителем: и хозяином себя показал, и Ли Хуэя носом ткнул. Он довольно поглаживал ткань на бедрах, представляя, как Ли Хуэй сейчас захлебывается от ревности. Сяоцзя не знал наверняка, что связывает Лу Юньпина с этим «братком», но шестое чувство подсказывало: Ли Хуэй опасен. В мире Лу Юньпина этот человек занимал слишком много места. Если Ли Хуэй звонил, Лу мог бросить все дела и сорваться к нему — Сяоцзя не раз оставался один в такие ночи. Он пытался жаловаться, но Лу Юньпин лишь хмурился и ничего не объяснял.